

3. Б. Богуславская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стихи не пишутся — случаются,
как чувства или же закат.
Душа — слепая соучастница.
Не написал — случилось так.
Андрей Вознесенский

...Когда он лежал посреди переделкинского поля, искусанный дикими собаками; когда стоял на трибуне в Кремле под улюлюканье зала и крик разгневанного Хрущева; когда сидел после аварии в сплюсненном такси с разmozженной головой — судьба как будто вводила его от смертельной болезни.

Но, увы, каждая из этих катастроф оставляла метины, приближая кончину. Андрея Вознесенского не стало 1 июня 2010 года. Он ушел на даче в Переделкино, произнося строчки заповедного стихотворения. «Не отчаивайся, — сказал мне. — Все обойдется, ведь я — Гойя!» У него была мистическая уверенность, что, если я рядом, ничего плохого не случится. Я сниму боль, найду лекарство, и все обойдется. Но не обошлось. «Мы уплывали вместе, обняв мой крест...» — напоролил он незадолго до кончины.

Вхождение Андрея Вознесенского в поэзию было фантастически ярким и быстрым. Ни ученичества, ни подражания. Уже в четырнадцать ему позвонил сам Б. Л. Пастернак, прочитав школьную тетрадь, присланную неизвестным подростком, и пригласил к себе на дачу. Об этой встрече Вознесенский скажет: «Моя жизнь разделилась надвое». Он удостоился чести бывать на Пастернаковских чтениях вместе с кумирами столетия С. Рихтером, Г. Нейгаузом, И. Андрониковым, Д. Журавлевым, Б. Ливановым, а однажды унес домой подаренную ему рукопись «Доктора Живаго»...

Уже тяжело больной Борис Леонидович напишет поэту: «Я — в больнице. Слишком часто стали повторяться эти жестокие заболевания. Нынешнее совпало с Вашим вступлением в литературу, внезапным, стремительным, бурным. Я страшно рад, что до него дожил. Я всегда любил Вашу манеру видеть, думать, выражать себя. Но я не ждал, что ей удастся быть услышанной и признанной так скоро».

В день похорон Пастернака Андрей будет сидеть на крыльце его дачи, содрогаясь от рыданий, не в силах следовать за гробом, который несли мимо него на переделкинское кладбище.

Все более непредсказуемым становится время, но слава Вознесенского растет. На его вечера ломится молодежь, его стихи заучивают наизусть, его публикуют по всему миру в переводах лучших мастеров: Одена, Арагона, Неруды и других...

Персональный вечер поэта в московских «Лужниках» обозначит новое явление российской культуры — исполнение стихов в многотысячных аудиториях.

«Разве эти стихи не напечатаны?» — спросит меня американец Артур Миллер, сидя со мной на стадионе. «Напечатаны? — изумится он, услышав ответ. — Зачем же эти люди тащатся сюда, если могут прочитать все дома, лежа на диване?»

Как объяснить иностранцу, что в России наступило время поэзии?.. Что стихи заменили религию, торжественные оды, словами стихов объясняются в любви и новый сленг входит в современные словари на равных правах с классическим языком?..

И в то же время вокруг каждой публикации Вознесенского разгораются опасные скандалы. Критика негодует по поводу его метафор и рифм, обзывает еретиком, обвиняя в кощунстве, требуя изъять из поэм плохо зашифрованную ненормативную лексику. На улицах Риги появляется плакат некоего поэта А. Жарова, где на фоне мухинской скульптуры «Рабочий и колхозница» выметают словно мусор книгу А. Вознесенского «Треугольная груша».

«Что делать с Вознесенским?!» — воскликнет Николай Асеев в «Литературке».

Однако чем яростнее нападения на Вознесенского, тем сплоченнее отстаивают его эстетику сторонники и почитатели.

Валентин Катаев назовет стихи Вознесенского «депо метафор».

Белла Ахмадулина признается: «За ним я знаю недостаток злой: / кощунственно венчать „гараж" с „геранью"». И потом: «Ремесло наши души светло, / засветилось звездой голубою. / Я любила значение свое / лишь в связи и соседстве с тобою».

Теперь Вознесенского принимают в самых элитных слоях общества, он становится членом многих академий.

Эрнст Неизвестный, живущий в США, напишет: «Член десяти академий мира, Вознесенский на самом деле не академик. Он — маг! Поэт и художник — маги по своему назначению и предназначению. Они обладают изначальным знанием подлинных имен вещей и способны вызывать их из небытия к жизни, облекая в форму. Быть может, поэтому вчера, как сегодня, Андрей Вознесенский ворожит-завораживает, иронизируя, играя, перетекая через ритм от звука, намека и недомолвок к всепоглощающему смыслу в пространстве собственных слов и строф».

Казалось, судьба поэта сложилась навечно, его имя вписано с заглавной буквы в историю. Но, увы, чем выше взлетает художник, тем страшнее падение. Катастрофа разразилась 7 марта 1963 года, во время встречи Н. С. Хрущева с интеллигенцией в Кремле. Уже разгромивший авангардное искусство, расправившись с альманахом «Тарусские страницы», художниками студии Билютина и, громче других, с Э. Неизвестным, оказавшим вождю сопротивление, генсек обрушился на писателей. Поводом стало интервью А. Вознесенского и В. Аксенова в Польше — там они заявили, что стиль «социалистического реализма» отнюдь не единственный и не лучший на карте советского искусства.

Оборвав выступление Вознесенского, генсек в бешенстве заорал:

— ...Сотрем всех на пути, кто стоит против Коммунистической партии, сотрем!.. Мы никогда не дадим врагам воли, никогда!..

...Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал, хотите, завтра получите паспорт, уезжайте к чертовой бабушке, поезжайте туда, к своим!

А. В. Я русский поэт. Зачем мне уезжать?

И тут Хрущев обозначил исторический водораздел между одной эпохой и другой:

— Вы думали, что будет оттепель? Оттепель закончилась, начались заморозки.

И добавил уже лично для Вознесенского:

— Если вы не перестанете думать, что родились гением...

А. В. Я так не думаю.

Н. С. Вы думаете! Вам вскружил голову талант, ну как же, родился принц, все леса шумят... Не хотите с нами в ногу идти, получайте паспорт и уходите... В тюрьму мы вас сажать не будем. Но если вам нравится Запад — граница открыта!

А. В. Дайте мне договорить... Эту фразу Вознесенский внятно повторил несколько раз. Впоследствии одна из книг о нем будет названа «Дайте мне договорить».

После крика Хрущева Вознесенский был вызван на общее собрание писателей с повесткой об исключении из рядов Союза. В то время это означало запрет на публикации, записи на телевидении и радио. Но Андрей не мог быть «молчащим» поэтом. Потребность, почти наркотическая, быть услышанным, оттачивать стихи на аудитории была одной из важных составляющих его таланта.

...Мы сидим рядом на этом собрании. Накал обличительства выступающих набирает силу. Председатель вызывает Андрея на сцену, ожидая раскаяния за идеологические ошибки. Ситуация становится взрывоопасной. Андрей отказывается говорить, он пишет записку в президиум: сейчас, мол, он не может осознать случившегося, ему нужно время, чтобы обдумать все. И вдруг что-то сдвигается в атмосфере, председатель медлит, он не объявляет голосование за исключение поэта... Минута, другая... Пронесло!

...Жизнь постепенно восстанавливалась. Параллельно запретам началась наша совместная история, она стала явной во время спектакля Ю. Любимова «Антимиры» на Таганке, имевшего шумный успех, превратившегося в общественное явление на многие годы. На первых же гастролях с «Антимирами» в Петербурге худрук Таганки объявил о нашем романе, и те дни ежедневных спектаклей, гуляний до утра с В. Высоцким, В. Смеховым, А. Демидовой, В.Золотухиным, которым подражала вся молодежь, стали нашим, по существу, свадебным путешествием.

...Мы познакомились в Переделкине. Однажды ко мне в комнату ворвался Вознесенский: «У меня будет здесь вечер, я буду читать для вас». Он ежедневно заскакивал ко мне в Дом творчества с новыми строфами родившихся стихов, смешными безделушками. Как-то принес клетку с желто-зелеными попугаями-неразлучниками. Я — замужняя женщина, у которой замечательный сынишка и благополучная семейная жизнь, — конечно же, не воспринимала всерьез внимание поэта. У поэтов объекты увлечений меняются неуловимо быстро, их жизнь многоголоса и разнообразна.

А напоследок моего пребывания в Доме творчества Андрей заявил: «Я выступаю в Дубне, тебе будет интересно и полезно, можем поехать вместе». Он знал, что я начала писать повесть о молодых физиках Дубны и моей мечтой было увидеть главный синхрофазотрон страны. Тогдашнее так называемое «бюро пропаганды» радостно воспользовалось случаем и предложило мне сделать вступительное слово к авторскому вечеру поэта Вознесенского. Успех был феноменальный, оставшееся время мы проводили в компании новых друзей. Было сумасшедше весело, но никаких романтических отношений не было и в помине.

А год спустя на концерте в Большом зале Консерватории, сидя рядом с Генрихом Нейгаузом, наблюдая поодаль Святослава Рихтера, я впервые услышала, как Вознесенский читает поэму «Оза». Меня охватывает ужас. Наглость публичного признания невыносима, мне хочется провалиться сквозь землю.

Мать Владимирская, единственная,
первой молитвой — молитвой последнею —
я умоляю —
стань нашей посредницей.
Неумолимы зрачки Ее льдистые.

Я не кощунствую — просто нет силы.
Жизнь заberi и успехи минутные,
наихрустальнейший голос в России —

мне ни к чему это!
Видишь — лежу — почернел как кикимора.
Все безысходно...
Осталось одно лишь —
грохнись ей в ноги,
Матьер Владимирская,
может, умолишь, может, умолишь...

...Мы прожили вместе сорок шесть лет. Господи, как много мы смеялись все эти годы! Розыгрыши, хулиганство, мечты, любовь — все совпало. Это было время великих дружб, когда компании сплывались вокруг тех, кого обижали и били. Казалось, что воздух свободы разрушит все стереотипы, не станет принуждения, стилистической и идеологической цензуры, появится вольность думать, говорить, одеваться по-своему, любить рок-н-ролл и твист, возражать насилию чиновника...

Мы не воспринимали время как потерянное. Жизнь была наполнена до краев. По существу, мы не расставались.

...Андрея призвали в армию, он — на сборах, я мчусь в Мукачево (Западная Украина)... Через полчаса вся его комната в перьях, мы что-то сооружаем из подушек, они рвутся, мы хохочем, облепленные перьями, словно птицы...

Оттуда Андрей пошлет Евтушенко стишок: «Был я, Женя, рядовой, / стал я лейтенантик. / Был я вольно-блядовой, / а теперь — женатик».

...В Болгарии ранним утром под окнами моей комнаты внезапно слышу крик: «Ну что ты спишь так долго! Соня! Нас ждут гости, скорее!» Чертыхаясь, проклиная всех гостей, я наскоро одеваюсь, выбегаю под его вопль: «Они же не могут ждать, как ты не понимаешь!» Вижу: за оградой запряженный ослик переминается с ноги на ногу. Повозка увешана бубенцами и немислимой красоты гирляндами цветов. Еще минута — и мы несемся, затаив дыхание...

Розыгрыши были ежедневные, невинные и не очень. Случился один почти трагический. В Крыму, под Ялтой, праздновался день рождения Виктора Некрасова. Накануне Андрей привез мне в подарок два транзистора (Уоки-Токи). Один он спрятал в другой комнате, а второй я держала в гостиной, среди присутствующих. Фишка заключалась в том, что, сговорившись с виновником торжества, Андрей предлагал послушать свое интервью из Америки, трансляция которого якобы была объявлена по «Вражескому голосу» через полчаса. Из другой комнаты Андрей транслировал свой памфлет на каждого из присутствующих, что воспринималось как абсолютная реальность. Бог мой, что тут началось! Чета Паустовских, крымский поэт Славич и все собравшиеся, абсолютно уверовав в реальность слов Андрея, рванули из комнаты. Появление «автора» было встречено гробовым молчанием... «Предатель! Подлец!» — самое мягкое, что обрушилось на него. И почему-то сразу началась драка. Некрасову разбили губу, и этот шрам сохранился у него на всю жизнь. Когда много лет спустя я встретила Виктора уже в парижском изгнании и увидела шрам на его губе, мы почти весело вспомнили тот розыгрыш.

...Последние пятнадцать лет Вознесенский был сильно болен. Физическая жизнь убывала, с каждым днем делая его все более беспомощным. Но поэзия, вопреки всему, жила в нем до последнего мига. Безголосый («Теряю голос»), уже с утра окутанный болью («Боль»), он никогда не жаловался, никогда ни с кем не говорил о болезни, неудержимо рвался на люди, пытаясь что-нибудь новое прочитать из своего. И ему

суждено было пережить еще один взлет его всенародного признания. Появилась его рок-опера «„Юнона" и „Авось"» (в основе которой поэма «Авось!») на поразительную музыку Алексея Рыбникова, в постановке Марка Захарова, в театре Ленинского комсомола. С хореографией Владимира Васильева, с участием актеров Николая Караченцова, Лены Шаниной, Александра Абдулова и других. И поныне существующий спектакль собирает битком набитые залы, он прославился в Париже и Нью-Йорке (вывезенный Пьером Карденом, придавшим этому событию особую праздничность и элегантность), лег в основу нескольких фильмов.

Тысячи людей в это же время поют песни на стихи Вознесенского, признанные артисты стремятся исполнять их. Страна ликовала, слушая музыку Раймонда Паулса, а затем и Арно Бабаджаняна, Микаэла Таривердиева и других. И по сей день во многих уголках мира звучит «Миллион алых роз», открытый в «Лужниках» Аллой Пугачевой, взлетающей на качелях поверх голов зрителей... Мы слышали эту песню в нью-йоркском такси, в ресторанах Токио, в записи и вживую.

Мне хочется закончить этот краткий рассказ словами замечательного прозаика Александра Кабакова, предварившими один из последних сборников поэта: «Мне страшно писать о Вознесенском, я перечитываю, перечитываю его слова сейчас, пытаюсь понять, отчего в те странные годы возникало ощущение свободного полета, нарушения всех правил и границ... строчки Вознесенские были нашими небожителями, и его фамилия читалась как звание. Мы говорили его голосом... не будь Вознесенского, время ушло бы из меня бесследно, полностью вытесненное последовавшим шумом лет».